

Что за “Казус”?..

Читатель, взявший в руки этот альманах, вероятно, задумается над его названием. Что вкладывают в него редакторы и авторы? В классической латыни, к которой восходит слово “казус”, оно могло обозначать и крах, и конец, и падение, и несчастье... Мы имеем в виду совсем иной смысл этого слова: случай, происшествие, событие. Именно такое словоупотребление казуса чаще всего можно встретить в современных европейских языках, включая и русский. Каждое из приведенных значений может в свою очередь быть истолковано по-разному: например, случай исключительный, неожиданный или же случай банальный, ординарный: случай как конфуз и случай как образец и т.п. Эта многозначность “казуса” найдет свое отражение в статьях нашего альманаха. Однако она не должна заслонить и то общее, что сближает самые разные “случай”, объединяя их всех под одним понятием.

Это понятие подразумевает при разговоре о прошлом прежде всего нечто конкретное, поддающееся более или менее подробному описанию. Выбирая название для нашего альманаха, мы имели в виду, среди прочего, этот простейший смысл слова “казус”. Нам хотелось ответить на легко ощутимую в среде читающей публики потребность увидеть общество прошлого возможно более конкретно. Такое видение естественно предполагает рассказ о самых различных “случаях”, наполняющих человеческую жизнь. Выявить их в источниках, говорящих о прошлом, рассмотреть их во всех подробностях, дать читателю возможность почувствовать с их помощью аромат времени — такова ближайшая (хотя и не главная) задача всех наших авторов. И здесь первое объяснение названия нашего альманаха.

Надо ли, однако, говорить, что, если бы мы ограничились простым рассказом о различных казусах, нам грозила бы опасность превратить альманах в собрание исторических анекдотов, быть может забавных, но вряд ли провоцирующих думающего читателя на серьезные размышления. Такого рода *рассказывающая история* уже существовала в прошлом веке. Историк выступал

в ней в роли всезнающего рассказчика, повествующего о днях былых с уверенностью очевидца. Исследователю тогда явно недоставало рефлексии над своеобразием исторических текстов (всегда содержащих некую интерпретацию прошлого авторами этих текстов) и собственной деятельностью. Фиаско этой истории относится еще к началу нашего столетия, когда выяснилась ее ограниченность и недостаточность.

Изучая отдельные казусы, мы стремились учесть не только этот урок. Сознавая сугубо относительную достоверность любого сообщения о прошлом, мы будем интересоваться не только самими казусами, но и обстоятельствами, побудившими составителя исторического памятника избрать ту или иную версию случившегося. Выбор этой версии — тоже “казус”, и притом заслуживающий не меньшего внимания, чем самое случившееся: как и любой поступок индивида, избранная автором источника позиция может пролить свет на роль в прошлом действий отдельно взятого человека, уяснить которую нам особенно бы хотелось. (И в этом еще одно объяснение нашего интереса к казусам.)

Выбор человеком конкретной линии своего поведения мог порождать казусы разного типа. В одних “случаях” люди осознанно (или неосознанно) действовали в согласии с принятыми в данной общественной среде правилами, ориентируясь на массовые представления о должном и запретном. Поступки таких людей — это казусы, воплощающие господствующие в обществе стереотипы. Встречались, однако, люди, для которых подобное конформное поведение почему-либо оказывалось невозможным. Одни из них осмеливались пренебрегать обычаями, нарушать законы; другие, наоборот, стремились реализовать в обыденной жизни то, что считалось недостижимым идеалом. Почти всегда тот, кто решался на нестандартный поступок, вступал на трудную тропу. Нередко ему грозило прямое или скрытое осуждение окружающих или даже активное противодействие с их стороны. Казусы этого рода представляют, на мой взгляд, особенный интерес. Кто чаще всего на них решался? Какие обстоятельства могли этому способствовать? Анализ таких казусов смыкается с рассмотрением проблемы, привлекающей интерес многих наших современников, — проблемы возможностей, которые существовали у индивида в разных обществах. Что мог в те или иные периоды прошлого отдельно взятый человек? Могли ли его поступки изменять принятые в обществе поведенческие стереотипы? Доступно ли это для так называемых рядовых людей?..

Анализ подобных вопросов тесно смыкается также с изучением общественного резонанса уникальных и случайных событий. Неординарные поступки отдельных индивидов могли быть среди предпосылок их возникновения. Взрывая рутину, такие поступки именно из-за своей нестандартности привлекали к себе внимание современников и невольно побуждали их задумы-

ваться над укоренившейся традицией. Если неординарное поведение какого-либо индивида вызывало подражание других, сложившееся в данном обществе равновесие тенденций могло оказаться под угрозой: возникало “состояние неустойчивости”, благоприятствовавшее возникновению тех или иных новых явлений, в том числе и в сфере поведенческих стереотипов. Очевидно, что современный исследователь не может не интересоваться тем, какие условия в разные периоды прошлого способствовали такому резонансу уникальных казусов (включая в их число и нестандартные поступки отдельных индивидов). И в этом еще одно оправдание выбора проблематики нашего альманаха.

Эта проблематика в ряде аспектов отличается от традиционной для последних десятилетий. Едва ли не целое столетие в мировой исторической науке почти неуклонно нарастали тенденции ко все более углубленному анализу больших социальных структур, долговременных процессов, глобальных закономерностей. Историки искали способы формализации исторических данных, чтобы иметь возможность переходить от частных наблюдений ко все более общим. Агрегируя частные показания разных источников, они формировали “сериальные” данные, надеясь с их помощью уяснить пути развития целых классов, сословий, больших профессиональных (или производственных) групп. У многих исследователей сложилось убеждение, что подлинная история – это в первую очередь история больших масс, молчаливого большинства, история ведущих тенденций, пробивающихся себе дорогу сквозь любые частные отклонения, история средних цифр, “среднего человека”.

Те же сериальные данные легли в основу и такого яркого цветка науки XX в., как история ментальностей. Раскрывая присущие разным обществам модели мира, история ментальностей освещала массовые представления, которыми люди могли руководствоваться в тот или иной период в своих действиях. Однако, выявляя эти общие *возможности* поведения (или говоря иначе – поведенческий инвариант), ментальные исследования по необходимости ограничивались характеристикой того, что *могло* быть присуще всем вообще, индивидуальные же особенности кого бы то ни было в отдельности оставались нераскрытыми.

До поры до времени недостаточность этого подхода не слишком бросалась в глаза. Еще совсем недавно казалось более чем оправданным вопрошать: «Что вы ищете в истории – уникальное или типическое? Начелено ваше внимание на выявление неповторимого или же на раскрытие тех понятийных форм, “матриц поведения”, “моделей мира”, которые таились даже и за этими уникальными цветами культуры?» Ответ на эти вопросы подразумевался сам собою, ибо матрицы поведения казались обладающими несравненно большей познавательной ценностью, чем уникальное.

Я далек от того, чтобы недооценивать подобные подходы к пониманию прошлого. И объясняется это не только тем, что я сам их долгое время разделял и защищал. Вряд ли нужно доказывать, что выявить и уяснить индивидуальное и уникальное можно, лишь зная массовое и стереотипное.

Еще десять лет тому назад Л.М. Баткин в ставшей классической статье “О двух способах изучать культуру” сформулировал принцип “дополнительности” двух методов: социологического анализа массовой деятельности и культурологического анализа индивидуального и субъективного. К сожалению, реализовать этот принцип удавалось до сих пор крайне редко. И одна из важнейших причин, на мой взгляд, – в недооценке познавательной ценности нестандартного поведения отдельных людей. Осознанно или неосознанно, в анализе такого поведения обычно видят нечто второстепенное, способное лишь подтвердить противостоящий стандарт. Между тем в исключительных и уникальных казусах может раскрываться нечто гораздо более важное. Речь идет об уяснении *культурной уникальности* времени.

Ее трудно уяснить, ограничиваясь анализом того, что чаще всего встречается. В общепринятом, стандартном поведении немало элементов традиционного, усредненного, даже вневременного. Сквозь них непросто рассмотреть то, что *особенно* как раз для данной эпохи. Иное дело – казус, который позволяет увидеть пусть лишь одного-двух ее современников, но с полнотой, достаточной для осмыслиния их специфических чаяний и приоритетов. Конечно, это не подменяет анализ господствующих структур и процессов. Но в то же время невиданно приближает к тому Другому, которого стремится рассмотреть в прошлом всякий историк. Более того, создаются предпосылки для *прорыва* в познании культурного универсума исследуемой эпохи: ведь в том “*особенном*”, что раскрывается в уникальных казусах данного времени, полнее всего проступает своеобразие исторического мира культуры, в каком, по выражению Л.М. Баткина, “нет никакого всеобщего, кроме особенного”. С этой точки зрения, изучение отдельных казусов, освещающих поступки и действия хотя бы немногих персонажей прошлого, представляется одним из перспективнейших на сегодня инструментов познания прошлого. Нужно ли еще дополнительно оправдывать появление издания, специально посвященного индивидуальному, уникальному и вообще казуальному в истории?

Изучение таких казусов вписывается в относительно новую научную тенденцию к пересмотру сложившихся в XX в. подходов к изучению прошлого. Эта тенденция характерна для нескольких вновь сложившихся – или же переживающих глубокую внутреннюю перестройку – историографических школ. Их работа, несомненно, стимулирует наше начинание. Без осмыслиния степени нашей близости к этим направлениям в нау-

ке и, наоборот, наших различий обойтись невозможно. Только уяснив эти сходства и различия, удастся раскрыть и своеобразие нашего собственного подхода.

Еще в 1985 г. известный французский историк Мишель Вовель, обозревая развитие исторических штудий в предыдущее десятилетие, писал о назревшей потребности в индивидуализации стереотипов. Отмечая нарастающую неудовлетворенность синтетическими построениями в истории – не только “огрубляющими” видение прошлого, но и “мистифицирующими” читателя кажущейся ясностью исторической ретроспективы, – Вовель констатировал, что в глазах ряда исследователей переход к “использованию микроскопа” в истории выступает как “эпистемологическая необходимость”. Вовель связывал такой переход с новым этапом в развитии исторического знания, с возвратом на новых основах к качественному анализу (в противовес количественному), с поиском более аутентичного облика прошлого.

Одну из форм реализации этой эпистемологической необходимости можно найти в исследованиях, предпринимавшихся с конца 70-х годов некоторыми молодыми в ту пору итальянскими историками, называвшими свое направление “микроисторией”. Хотя их взгляды были далеко не едиными, этих исследователей роднило то, что они стремились противопоставить распространенной в Италии этого времени “риторической” концепции истории – как науке о глобальных, вековых колебаниях в развитии человеческих обществ – гораздо более скромную по своим задачам концепцию исторического познания. Все они отличались пристрастием к выбору очень небольших исторических объектов: судьба одного конкретного человека, события одного единственного дня, взаимоотношения в одной отдельно взятой деревне на протяжении относительно небольшого периода. Каждый из таких объектов рассматривался в очень крупном масштабе. Исследование не привлекавших раньше внимания подробностей позволяло увидеть этот объект в принципиально новом свете, рассмотреть за ним иной, чем виделся предшествующим поколениям исследователей, круг явлений.

Правда, возможности генерализации собранных наблюдений оказывались здесь под вопросом. Еще менее ясным представлялся способ включения изученного микрообъекта в более широкий социальный контекст. Неразработанной оставалась и концепция индивидуальности, неповторимости предмета исследования. Но зато конкретность и полнота анализа создавали предпосылки для изучения причин и мотивов поступков всех “действующих лиц”.

К этой ранней итальянской микроистории близка по обстоятельствам возникновения и некоторым подходам немецкая *Alltagsgeschichte*. Ее складывание относится к середине 80-х годов, когда несколько разных по своим научным и политическим

взглядам групп молодых историков выступили против господствовавших в послевоенной немецкой историографии методологических концепций. Их критика была направлена (как и в Италии) против преувеличения возможностей глобальных подходов в понимании прошлого, против безудержного научного оптимизма, а также против того варианта немецкого историзма, которому было свойственно преимущественное внимание к повторяющемуся и закономерному. Критикуя слепое следование ангlosаксонским традициям в понимании социальной и институциональной истории, демократически настроенные сторонники Alltagsgeschichte сочувственно относились к историко-антропологическим подходам французской школы “Анналов”. Особое внимание уделялось также изучению действий и сознания “маленьких людей” и их роли в “большой истории”. Именно в этом направлении с особой силой проявилась тенденция разрабатывать историю “снизу” (*Geschichte von unten*), с тем чтобы раскрыть своеобразие (*Eigensinn*) каждого отдельного субъекта, его способность быть творцом собственной истории, а не только игрушкой в руках надличностных сил и структур.

Важной особенностью Alltagsgeschichte можно считать подчеркиваемое всеми ее сторонниками стремление опираться при изучении прошлого на так называемый экспериментальный подход, провозглашавшийся также последователями итальянской микроистории. Суть его специально не разъясняется, но, как показывает знакомство с конкретными исследованиями, под ним подразумевается установка на отказ от любых априорных суждений и постулатов. Историки этого направления считают основой анализа конкретные исследовательские опыты, которые как бы сами по себе должны раскрыть и своеобразие изучаемых индивидов как таковых, и их связи и взаимосвязи, и наиболее эффективные исследовательские приемы.

На этом же зиждется и подход ряда историков данного направления к проблеме взаимодействия микро- и макрообъектов, которой они уделяют гораздо большее внимание, чем итальянские последователи микроистории в прошлом десятилетии. Эта проблема решается, однако, разными историками далеко не однозначно. Одни удовлетворяются констатацией взаимосвязи микрообъекта с его социальным “контекстом”, возникающей уже в силу простой включенности каждого индивида в то или иное локальное сообщество (Ю. Шлюбойм, П. Критде). Другие делают упор на то, что *всестороннее* изучение индивида само собой предполагает выявление его социальных взаимосвязей и зависимостей, как и влияния на него тех или иных социальных факторов (Г. Медик). Третьи ставят проблему шире и говорят о том, что всякий индивид, хочет он того или нет, вынужден так или иначе интерпретировать свои взаимоотношения с макросообществами, членом которых он оказывается; со-

ответственно, всякий исследователь микроказуса, анализирующий действия индивида, в состоянии воспроизвести не только собственный мир этого индивида, но и трактовку последним его связей с более широким социальным универсумом; в результате “из изучения самой социальной практики отдельных людей выявляются невидимые извне социальные структуры”, характеризующие взаимодействие индивида и его социальной среды (А. Людтке).

Показательно, что для всех этих вариантов характерно понимание отдельных казусов как более или менее *типичных* для рассматриваемого аспекта прошлого. Это, конечно, облегчает выход на проблему взаимодействия микро и макро, единичного казуса и целостности. В то же время подобный подход существенно затрудняет возможность анализа подлинно уникального, индивидуального, нестандартного. Ведь основное внимание уделяется повторяющимся, *типичным* феноменам, а не исключениям, в которых воплощалось неординарное поведение отдельных индивидов.

Однако в спорах вокруг *Alltagsgeschichte*, продолжающихся по сей день (и может быть даже усилившихся в самые последние годы), обсуждается не только мера исключительности и индивидуальности рассматриваемых казусов. Некоторые критики ставят под вопрос самую оправданность проводимого сторонниками этого направления противопоставления макро и микро. Отмечается, что существование этой дилеммы было известно со времен Аристотеля, что многим поколениям философов и историков уже не раз приходилось констатировать важность изучения малых и мельчайших объектов — так же как продуктивность познания любых тотальных через *переход от частного к целому* — и что поэтому в современном повороте ряда исторических школ к специальному изучению микрообъектов нет ни чего-либо нового, ни даже чего-либо продуктивного.

Мне кажется, что эта критика не учитывает своеобразия сегодняшней постановки вопроса о макро- и микроанализе в изучении прошлого. Вечность данной дилеммы не смогла почему-то на протяжении многих десятилетий нашего века воспрепятствовать явному крену в истории в изучение массовых явлений. Этот крен оказался неразрывно связанным и с фактическим признанием детерминированности иteleологичности исторического процесса, его подчиненности надличностным силам и структурам. И это было характерно не для какой-нибудь одной, идеологически зашоренной научной школы, но для многих (если не большинства) историографических направлений. Что-то глубинное в подходах историков мешало в эту пору осмысливать потребность в соразмерном исследовании и макро и микро. Что-то заставляло многих и многих историков истолковывать вечную истину о продуктивности принципа отправлять-

ся от частного при изучении исследуемых явлений – лишь в том смысле, что прошлое следует восстанавливать по крупицам, разбросанным везде и повсюду, без обязательной их привязки к конкретным людям. Что-то побуждало считать, что целое в истории может быть как бы суммой равноценных частных слагаемых.

Это “что-то” заслуживает специального внимания. По-видимому, речь идет прежде всего о некоторых имманентных потребностях научного анализа, соответствовавших имевшимся в начале и середине нашего века исследовательским возможностям и отвечавшим общим запросам гуманитарного знания того периода.

И то и другое испытало в последние годы глубокую перестройку. Новые интересы, новые обстоятельства, о которых я уже упоминал выше, побуждают к смене ряда подходов. Разумеется, разные научные школы воспринимают это веление времени не сразу и не одновременно. Для некоторых из них это вообще оказывается невозможным, так как расходится с их основополагающими установками. Но тут уж ничего не поделаешь. К тому же, не впадая в крайний релятивизм и не ставя под сомнение реальность исторического прошлого, нельзя не иметь в виду, что это прошлое не есть нечто сохранившееся раз и на всегда: всякий раз заново реконструируемое, оно поддается восприятию не в рамках какой бы то ни было одной-единственной концепции, но только на основе некоторой их совокупности. Такой плюрализм ничуть не исключает необходимости критического отношения к каждой из этих концепций. Прав О.Г. Ёксле, выступающий против “бесхребетного историзма” (Ёксле заимствует это выражение у Вернера Гофмана), “который не способен ничего отвергнуть, потому что он ко всему стремится отнести с пониманием”.

Применительно к рассматриваемой историографической ситуации это означает оправданность не только сочетания, всюду где это возможно, макро- и микроанализа, но и трезвого соизмерения плодотворности того или иного из этих подходов в разных исследованиях и на разных этапах развития историографии. Не приходится также забывать, что параллельное их применение выступает как трудно достижимый идеал. Ведь взгляд на какой бы то ни было феномен прошлого “с близкого расстояния” не способен воспроизвести одновременно и “общий план”: для этого нужен совсем иной “объектив”, который, увы, будет скрывать детали. В то же время трудно не заметить, что на разных этапах историографии интенсивность использования этих двух вариантов анализа не остается неизменной, подчиняясь как внутренним потребностям развития исторической науки, так и запросам общества. Именно они определяют необхо-

14

15

16

димость сегодняшнего акцента на исследовании индивида и на анализе его субъективного мировидения.

В контексте всего сказанного легче уяснить возникновение и особенности наиболее выраженного в современной историографии поворота к изучению индивидуального и казуального, который происходит с конца 80-х годов во Франции. Попытки осмыслить ситуацию, сложившуюся к этому времени в мировой исторической науке, отличались здесь, пожалуй, наибольшей глубиной. Не случайно развернувшиеся во Франции дискуссии втянули и историков других стран – в первую очередь итальянских сторонников микроистории и немецких последователей *Alltagsgeschichte* – и подтолкнули их к известному уточнению или изменению собственных позиций. Главную лепту в обсуждение данной проблематики внесли дискуссии в известной всем специалистам школе “Анналов”. 17

О необходимости пересмотра использовавшихся парадигм редакторы “Анналов” открыто заговорили в 1988 г. Позднее весь период с конца 70-х годов будут называть в этом журнале временем “эпистемологической анархии”, “периодом сомнений и растерянности” или – еще резче – эпохой “кризиса”. Этому времени, именуемому ныне в “Анналах” первым периодом “критического пересмотра”, противопоставляют его второй период – середину 90-х годов, характеризуемую как этап утверждения новых подходов к изучению прошлого, как время рождения “другой социальной истории”. 18

Главное отличие этой истории – говоря словами Бернара Лепти, одного из инициаторов ее разработки, – в изменении самого предмета исторического исследования. Раньше под таким понималось общество как совокупность “структур большой длительности” (экономических, идеологических, культурных, ментальных и т. д.). В рамках новой социальной истории общество рассматривается как “продукт взаимодействия участников общественных процессов”, как “социальная практика действующих в этих процессах лиц” (*acteurs*); иначе говоря, общество предлагается изучать не через посредство безликих и более или менее малоподвижных его составных элементов (таких, как экономика, культура, ментальность), но через прямое наблюдение над взаимодействием субъектов исторических процессов, как оно складывается в каждой конкретной ситуации. Преимущество этого ракурса усматривается, во-первых, в том, что в центре внимания оказываются *конкретные индивиды*, во-вторых, в том, что берется установка на изучение постоянно меняющихся ситуаций конкретной практики, в-третьих, в том, что воздействие базовых общественных структур (экономики, идеологии и пр.) исследуется не абстрактно, но через их влияние на конкретных субъектов, способных испытывать и преобразовывать это воздействие *сугубо индивидуально*. 19

По мысли сторонников этого подхода, на его основе можно с недоступной никогда в прошлом полнотой реконструировать индивидуальные стратегии отдельных участников исторического процесса и их биографии. Ведь исходным материалом оказывается *“прагматическое положение”* каждого человека, его индивидуальные особенности, а не – как прежде – его принадлежность к той или иной из больших социальных или производственных групп (класс, сословие, профессия и пр.). Не случайно второй этап *“критического пересмотра”* частенько именуется в *“Анналах”* *“прагматическим поворотом”* (или *“праксиологическим”* – от слова *praksis* = практика – поворотом).

В качестве характерного примера Лепти приводит исследование, выявившее решающее значение для судеб ткачей южно-французских городов в начале XIX в. не столько их принадлежности к классу рабочих и не столько необходимости для них подчиняться действовавшему в то время законодательству, сколько их конкретных договоренностей с отдельными хозяевами, достигнутых в обход всех общих юридических и экономических установлений. Ситуации подобного рода встречаются, по мнению Лепти, на каждом шагу, свидетельствуя о том, что прагматические обстоятельства и индивидуальные стратегии могут для конкретных индивидов быть гораздо важнее их общего социального статуса.

Хотя это наблюдение не вызывает у меня принципиальных возражений по отношению к новому времени – с характерным для него юридическим равенством контрагентов, – я сомневаюсь, что оно равно актуально и для предшествующих периодов. В традиционных обществах прагматические ситуации тоже, конечно, влияли на положение индивида *внутри* каждого из социальных разрядов, но могли ли они устраниТЬ глубокие различия в правах и обязанностях людей, предопределенные их разным происхождением? Достаточно сравнить, скажем, статус средневековых рыцарей и современных им крестьян: часто ли прагматическое положение самого удачливого из крестьян позволяло ему смыть пятно сословного неполноправия?.. Вообще своеобразие средневековых и древних обществ не находит пока, на мой взгляд, должного рассмотрения в дискуссиях об использовании микроанализа. Тем не менее плодотворность внимательнейшего отношения к прагматическому положению индивида не вызывает сомнений и по отношению к обществам отдаленного прошлого.

То же следует сказать и об акценте на изучение конкретных форм *“согласия”* (*accord*), которых достигают между собой те или иные индивиды в самых разных житейских ситуациях. Задимнованный у известных французских социологов Люка Болтанского и Лорена Тевено акцент на этом исследовательском

подходе предполагает специальное изучение двусторонних соглашений, которые, с точки зрения их участников, были способны придать ореол “оправданности” (*justification*) и справедливости сложившимся договоренностям и связям или же формам поведения и представлениям.

Такие временные соглашения представляют, с точки зрения Лепти, Гренье и других французских авторов, тем больший интерес, что они позволяют выявлять постоянно меняющиеся формы межличностных отношений. Подчеркивая важность анализа таких изменений, эти исследователи противопоставляют свой подход тому, который был характерен в недавнем прошлом для историков ментальности. Хотя конкретные имена называются редко, ясно, что имеются в виду такие ученые, как Ж. Легофф, Ж. Дюби, А. Бюргье.

В центре внимания последних были устойчивые, очень медленно меняющиеся – или же неизменные на протяжении целых эпох – социокультурные структуры и модели мира. Сторонники прагматического поворота отказываются признавать за этими структурами решающую роль в определении смысла социальных отношений; на их взгляд, этот смысл определяется всякий раз конкретной житейской ситуацией; абсолютизация же роли ментальных традиций и культурных штампов неизбежно ведет к недооценке изменчивости социальных отношений, к представлению о неподвижности или квазинеподвижности истории. На этой основе формулируются тезисы об оправданности “исторического поворота” (т. е. акцента на изучении исторической изменчивости) во всех социальных науках и о необходимости пересмотреть те прежние суждения о прошлом, которые базировались на признании приоритета культурных традиций (и вытекающего отсюда акцента на изучении исторической статики).

Как историку-практику, мне не может не импонировать призыв к исследованию изменений в истории. Что может быть важнее этого сюжета! Однако оправданно ли при этом жертвовать ролью культурных традиций, игнорировать влияние преемственно сохранявшегося варианта той или иной культуры?..

Особое внимание конкретным формам согласия в обществе (вполне оправдывающееся общей установкой на первоочередное изучение повседневного опыта *acteurs*), естественно, побуждает сторонников данного направления отдавать решительное предпочтение микроисторическому подходу. Однако при этом его трактовка, по сравнению с тем что было характерно для итальянских и немецких ученых, существенно изменяется.

Суть микроистории, на взгляд Ревеля, Лепти и их последователей, отнюдь не в простом сужении географических (или событийных) рамок исследования (хотя таковое имеет место). С их точки зрения, широко распространенная локальная история, как

и *событийная история*, не имеет почти ничего общего с подлинным микроанализом. Ведь они ориентированы (как и сериальная макроистория) на изучение прежде всего социальной структуры и функциональной зависимости, которая связывает с этой структурой поведение тех или иных социальных групп и категорий: различие лишь в том, исследуются ли эти сюжеты в узколокальных или, наоборот, очень широких рамках. Новая микроистория отличается от макроистории (и любого ее локального или событийного варианта) самим предметом исследования. Это история автономно действующих субъектов, способных выбирать стратегию своего поведения, способных по-своему переформулировать имеющиеся установки; это *антифункционалистская история*, в которой, хотя и признается значение объективно существующих структур в жизни и поведении людей, исходят из возможности каждого из них всякий раз по-своему актуализировать воздействие этих структур.

28 В этой трактовке предмета микроистории содержатся, как я думаю, очень важные моменты, которые можно было бы использовать и при решении задач, встающих перед авторами настоящего альманаха. Ведь рассматриваемые здесь казусы особенно интересуют нас, как отмечалось, в плане того, насколько задействованные в них индивиды способны выбирать нестандартные решения, насколько возможны для них индивидуальное восприятие импульсов, исходящих от социальных структур, и отклонение от принятых стереотипов поведения.

С моей точки зрения, это не значит, что можно было бы игнорировать функциональные связи между поведением индивида и социальным контекстом, в котором ему приходится действовать. Рассуждая об антифункционалистской истории, французские исследователи на практике тоже не отказываются от признания важности такого контекста, хотя и существенно сужают его пространственные рамки. Наиболее определенно выражают они лишь против упрощенного понимания взаимосвязи между поведением индивида и социальной структурой, внутри которой ему приходится действовать.

Эта взаимосвязь действительно не содержит какого бы то ни было автоматизма. Выявить ее своеобразие в каждом конкретном случае очень непросто. Для начала здесь следует признать принципиальную недостаточность при таком изучении одних только *типичных* казусов, анализ которых — при всей его важности — оставляет нас в рамках сериальной истории (выявляя лишь свойственные людям данного времени стереотипные представления и формы поведения). Удовлетвориться этим нельзя не потому, что сериальная история “плоха” сама по себе, но из-за невозможности на ее основе дать ответ на некоторые вопросы, волнующие сегодняшнего человека.

В первую очередь речь идет об уже упоминавшемся стремлении понять место и функцию индивида в разных обществах. Из громадного числа аспектов, заслуживающих при этом рассмотрения (понимание индивида, индивидуальности, личности, социума, социального контекста и др.), я хотел бы выделить один, особенно, как мне кажется, актуальный. Я имею в виду взаимодействие единичного опыта и массовых стереотипов. В общем плане проблема “присвоения” отдельным человеком на вынайдивидуальных явлений, поднятая уже во времена Анри Берра, не перестает волновать историков на протяжении всего XX в. В рамках предлагаемого в нашем альманахе подхода акцентируется лишь один из возможных способов ее исследования. Не поможет ли осмыслению того, как в различные эпохи совершался переход от единичного и индивидуального к массовому и общепринятым, анализ нестандартных, нетипичных казусов?

При изучении данного перехода прежде всего важно осмыслить, в зависимости от каких особенностей индивида и социального контекста этот переход оказывался возможным или, наоборот, невозможным, как в процессе такого перехода изменялся сам индивид, каковы были пределы таких изменений в разных обществах, как на смену старым рождались новые стереотипы и т. д. Для решения подобных вопросов изучение нетипичных казусов открывает особые возможности. *Именно такие казусы нагляднее всего демонстрируют взаимодействие принятых сценариев поведения и индивидуального выбора.* Индивидуальная интерпретация массовых стереотипов составляет здесь самую суть поведения человека. Читатель легко убедится в этом, когда познакомится с публикуемыми ниже конкретными очерками.

По своему содержанию рассматриваемые нами казусы достаточно многообразны. Одни из них относятся к сфере повседневной жизни, другие – к политическим событиям, третьи – к правовым конфликтам, четвертые – к научной практике самих историков. При всей неоднородности этих случаев во всех них речь идет о поступках конкретных людей. Сосредоточение внимания именно на *поступках и действиях* индивидов составляет, пожалуй, еще одну из отличительных особенностей нашего общего подхода.

В современной историографии при характеристике так называемого “открытия” индивида и индивидуальности наибольшее внимание уделяется обычно аспектам самосознания и самоидентификации. В отличие от этого в данном альманахе на первом плане не саморефлексия индивида, но его социальная практика, его действия, в том числе и неотрефлектированные. Их анализ представляется многообещающим способом изучения места и функций индивида в разных обществах. Этот метод выявляет различия в возможностях выбора решений, которые были характерны для разных исторических периодов, для разных регионов, для разных типов индивида. Нетрудно таким об-

30

31

32

33

разом заметить, что избранный нами подход открывает возможность широких историко-сравнительных сопоставлений и ориентирован на посильную реализацию принципа “дополнительности” микро- и макроанализа.

Мы пытались одновременно найти и наиболее подходящую форму повествования. Ее выбор, как всегда, взаимосвязан с разрабатываемой проблематикой, с применяемой методикой, с самим масштабом исследования. Отправляясь от изучения конкретных поступков индивидов, мы, естественно, использовали форму рассказа. Однако это не рассказ “всезнающего” автора, раскрывавшего все тайны минувшего. Непрозрачность прошлого (особенно когда речь идет о действиях индивида) побуждала нас сознавать сугубую гипотетичность предлагаемых интерпретаций. Стремясь раскрыть перед читателем всю неоднозначность имеющихся в нашем распоряжении свидетельств источников, мы не скрываем ни лакун, ни неясностей в анализировавшихся текстах. Не случайно почти все заголовки наших очерков не слишком определенны. Подчеркивая этим неокончательность, предварительность наших решений, мы хотели бы привлечь читателя к совместному размышлению над имеющимися данными, сделать его соучастником исследования. Одновременно нам было важно отметить, что речь идет лишь о некотором опыте истолкования (или перетолкования) текстов, о некоторой версии в понимании поступков индивида.

В этих поступках могут раскрываться принятые стереотипы или же, наоборот, нестандартное, девиантное поведение. В любом случае это конкретные действия конкретных людей разного происхождения, совершенные в столь же конкретных житейских ситуациях. Думается, для описания всего этого нет лучшей формы изложения, чем рассказ, как вид связного изложения событий и поступков. Однако рассказ о конкретном казусе составляет по большей части лишь “зачин” в каждом из публикуемых в альманахе очерков. Вслед за этим читателю предлагается попытка осмыслиТЬ *контекст* рассмотренного случая. Здесь анализ действий индивида как бы пересекается с анализом социальной ситуации и более протяженных общественных процессов. Изучение конкретного фрагмента сменяется исследованием его социального резонанса и последствий. В этой части публикуемых очерков рассказ уступает место обзору накопленных по данному вопросу научных сведений, с тем чтобы на этой базе можно было бы осмыслиТЬ суть и последствия изученного казуса. Именно здесь эксплицитно или имплицитно освещается роль индивида в общественном развитии.

Структурно наш альманах состоит из нескольких разделов. В первом из них рассматриваются казусы, являющиеся элементами некоторой поведенческой коллизии, во втором пространством казуса оказывается политика, в третьем – правовая сфера. Условность этого членения отрицать трудно, поскольку в ре-

альной жизни все эти сферы переплетались. Но и различия между ними заслуживают внимания. Более очевидно отличие очерков четвертого и пятого разделов, где в центре – деятельность самих историков, способных порождать "квазиказусы" в наших представлениях о прошлом.

Эта структура альманаха – проблемная, а не хронологическая – отнюдь не означает, что редакторы недооценивают своеобразия возможностей и функций индивида в разные исторические периоды. Придавая этому своеобразию особую важность, мы включили в поле зрения не только ситуации, относящиеся к новому времени (или же к раннему новому времени), как это делалось до сих пор во всех предшествовавших опытах микроисторического анализа, но и казусы средневековой эпохи. Нам хотелось бы иметь возможность уяснить соответствующие различия эпох. Тем не менее мы положили в основу структуры альманаха разграничение по сферам деятельности, надеясь таким образом учесть не только хронологические различия в истории индивида, но и нечто сходное в его функционировании в каждой из сфер.

В последнем – пятом – разделе публикуются дискуссии вокруг микроистории и казуального подхода. Перевод недавней статьи итальянского историка Эдуардо Гренди, едва ли не первого зачинателя микроистории, знакомит с попыткой переосмысления опыта этого направления в Италии. Материалы обсуждения, состоявшегося в сентябре 1996 г. в Москве, знакомят с различными суждениями о казуальном подходе некоторых российских специалистов.

Хотелось бы надеяться, что этот альманах привлечет внимание к проблеме индивидуального и уникального в истории, как и к новой функции исторического рассказа. Если эти надежды оправдаются, данный выпуск "Казуса" окажется первым в ряду других, следующих за ним.

Примечания

¹ Это, однако, не означает, что роль индивидов в социальной практике выявляют только случаи явно девиантного поведения. Не приходится недооценивать и те ситуации, в которых принятые в обществе правила допускали одновременно несколько разных вариантов поведения. В таких случаях не меньшее познавательное значение имел выбор одного из возможных сценариев действий.

² Сорос Дж. Алхимия финансов. М., 1996. С. 53: "Мы можем разделить

события на две категории: обычновенные, повседневные события, правильно предвосхищаемые участниками, и уникальные исторические события, которые влияют на предпочтения участников и ведут к дальнейшим изменениям...". Специфика "состояния неустойчивости" и возникающие при этом бифуркации интенсивно исследуются в последнее время в рамках синергетики (см.: Пригожин И., Стенгерс И. Стрела времени // Вестник РГГУ. М., 1996. № 1. С. 58).

- ³ Vovelle M. Histoire sérielle ou “case studies”: vrai ou faux dilemme en histoire des mentalités // *Histoire sociale, sensibilités collectives et mentalités*. P., 1985. P. 41–42.
- ⁴ Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // *Одиссей*, 1990. М., 1992. С. 87; см.: Ginzburg C. Micro-Historie // *Historische Anthropologie*. 1993. № 1. S. 181, п. 49: «...в противовес недифференцированному понятию “коллективная ментальность” я настаиваю на важности исследования мыслительных представлений каждого отдельного индивида»; см. также: Chartier R. *Histoire intellectuelle et histoire des mentalités* // *La sensibilité dans l'histoire*. Clamecy, 1987. P. 26.
- ⁵ Баткин Л.М. Леонардо да Винчи. М., 1990. С. 22.
- ⁶ Vovelle M. Op. cit. P. 44.
- ⁷ О ранней истории этого направления см. в цитированной выше статье К. Гинзбурга (S. 173 ff), а также в статье Э. Грэнди, публикуемой в настоящем альманахе. Библиографию работ этого направления см.: Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // *Одиссей*, 1995. М., 1995. С. 10 и след.
- ⁸ В 80-е годы ранняя итальянская микроистория выступала в некотором смысле как антагонист англо-американской культур-антропологии (представленной в первую очередь трудами Клифорда Гирца и его школы) с характерным для нее в ту пору увлечением квантитативными методами. См.: Lepetit B. *De l'échelle en histoire* // *Jeux d'Échelles. La micro-analyse à l'expérience*. P., 1996. P. 78. Однако в 90-е годы картина существенно меняется и в англо-американской историографии постепенно формируется новое направление “биографической” или “персональной” истории (см.: Репина Л.П. Персональная история: биография как средство исторического познания – готовится к печати), во многом близкое современному итальянским и французским течениям (см. ниже).

- ⁹ Я оставляю название этого направления без перевода, чтобы не создавать иллюзию его тождественности французской *Histoire de la vie quotidienne*. Об основных особенностях этого направления см.: Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historisches Erfahrungen... / Hrsg von A. Lüdtke. Frankfurt a. M., 1989.
- ¹⁰ Внутри этой школы существует и правоэкстремистское крыло, возглавляемое историком реваншистской ориентации Эрнстом Нольте.
- ¹¹ Lüdtke A. *Alltagsgeschichte...* S. 8; Werner M. Proto-industrialisation et Alltagsgeschichte // *Annales. HSS*. 1995. № 4. P. 719; Schlumbohm J. Quelques problèmes de micro-histoire... // *Ibid.* P. 801.
- ¹² Sozialgeschichte. Alltagsgeschichte, Micro-Historie. Eine Diskussion hrsg. von Winfried Schulze. Goettingen, 1994 (см. особенно статьи Ю. Кокки, У. Даниель и В. Гартвиг); Oexle O.G. Nach dem Streit. Anmerkungen über “Makro-” und “Mikrohistorie” // *Rechtshistorisches Journal*. Frankfurt a. M., 1995. № 14. S. 191–200.
- ¹³ Этот крен критикуют сегодня не только сторонники немецкой *Alltagsgeschichte* или итальянской микроистории, но и представители школы “Анналов”, непосредственно причастные к разработке и внедрению в исторические исследования ряда макроисторических подходов (см. ниже).
- ¹⁴ Ginzburg C. Op. cit. S. 188–189; Revel J. Présentation // *Jeux d'Échelles*. P. 10–13; Lepetit B. De l'échelle en histoire. P. 91–93; Kortüm H. Menschen und Mentalitäten. Einführung in Vorstellungswelten des Mittelalters. Berlin, 1996. S. 14; Lachir B. La variation des contextes dans les sciences sociales. Remarques épistémologiques // *Annales. HSS*. 1996. № 2. P. 399.
- ¹⁵ Ёксле О.Г. Немцы не в ладу с современностью. “Император Фридрих II” Эрнста Канторовича в политической полемике времен Вей-

- марской республики // Одиссей, 1996. М., 1996. С. 216.
- 16 *Ginzburg C.* Op. cit. S. 181: “Недавно М. Вовель отверг альтернативу между сериальным исследованием и анализом истории отдельного индивида как ложную. В принципе я с этим согласен. Но на практике эта альтернатива возникает...”.
- 17 Как уже отмечалось выше, эта общая тенденция находит свое выражение и в так называемой персональной истории, развивающейся в последние годы, в частности, в Англии и США.
- 18 См. нашу статью: Школа “Анналов”: переломный этап? // Одиссей, 1993. М., 1993.
- 19 *Revel J.* Micro-analyse et construction du social // Jeux d’Échelles. Р. 18: “Модель социальной истории (восходящая к Симиану, Блоку, Февру, Лабруссу и Броделю) начала переживать кризис на рубеже 70–80-х годов, т. е. – по странной иронии судьбы – в момент, когда она, казалось, переживала свой наивысший триумф... Осознание кризиса наступало очень постепенно, так что нельзя с уверенностью сказать, что большинство историков и сегодня это поняли”; см. также: *Desrosières A.* La politique des grands nombres. Histoire de la raison statistique. Р., 1993; *Delacroix Ch.* La falaise et le rivage. Histoire du “tournant critique” // EspacesTemps. Р., 1995. № 59–61. Р. 87–109; *Dodier N.* Les sciences sociales face à la raison statistique // Annales. HSS. 1996. № 2. Р. 410; *Kortüm H.* Op. cit. S. 22. Небезынтересно отметить, что, когда в 1989 г. я выступил с тезисом о кризисе школы “Анналов”, моя точка зрения была оспорена как руководителями этой школы (включая Ж. Ревеля), так и моими соотечественниками (см.: Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы “Анналов” / Отв. редактор Ю.Л. Бессмертный. М., 1993. С. 107, 118, 120 и др.).
- 20 См. коллективный труд “Les formes de l’expérience” под редакцией Б. Лепти, в заголовок которого вынесено: “Une autre histoire sociale”; см. также работы, цитированные в предыдущем примечании.
- 21 *Lepetit B.* L’histoire prend-elle les acteurs au sérieux // EspacesTemps. 1995. № 59–61. Р. 112–122; *Idem.* Histoire des pratiques, pratique de l’histoire // Les formes... Р. 10–16; *Revel J.* Présentation // Jeux d’Échelles. Р. 9–10; *Dodier N.* Op. cit. Р. 419 et suiv.
- 22 *Lepetit B.* L’histoire... Р. 112; *Kortüm H.* Op. cit. S. 22.
- 23 *Lepetit B.* Le présent de l’histoire // Les formes... Р. 283–288; *Idem.* L’histoire... Р. 118.
- 24 *Boltanski L., Thevenot L.* De la justification. Р., 1991.
- 25 *Lepetit B.* Histoire des pratiques... Р. 15; *Idem.* L’histoire... Р. 120.
- 26 См.: *Лепети Б., Гренье Ж.И.* О некоторых изменениях в журнале “Анналы” в 1994 г. Ответы на вопросы Ю.Л. Бессмертного // Одиссей, 1994. С. 318.
- 27 *Revel J.* Présentation... passim.
- 28 *Revel J.* Micro-analyse... Р. 25.
- 29 Именно такую трактовку казуальной истории предлагал фактически в упомянутой выше работе М. Вовель (*Vovelle M.* Op. cit. Р. 48–49).
- 30 См., в частности: *Chartier R.* Intellectual History and History of Mentalities // Modern European Intellectual History. L., 1982; *Burgier A.* Notion de mentalité chez M. Bloch et L. Febvre // Revue de synthèse. Р., 1983. № 111–112; *Revel J.* Présentation // Jeux d’Échelles. Р. 10–13; *Lepetit B.* De l’échelle en histoire. Р. 72–73.
- 31 Как уже отмечалось выше, кроме случаев девиантного поведения, определенные возможности для изучения индивидуального выбора открывают и ситуации, допускающие сосуществование нескольких сценариев поведения.
- 32 Понятие “индивиду” используется здесь в своем самом общем смысле, без отнесения к какому бы то ни было историческому типу и, тем более, без того, чтобы подразумевать под ним новоевропейского индивида. См.: *Баткин Л.М.* К спорам о логико-историческом

определении индивидуальности //
Одиссей, 1990. С. 59 и след.

³³ См. новейший обзор по этой тематике: *Aertsen J.A. Die Entdeckung*

des Individuum // *Individuum und Individualität im Mittelalter / Hrsg. Aertsen J.A., Speer A.* Berlin; New York, 1996.

Ю.Л. Бессмертный